

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

в которой я размышляю о браке

Мне всегда казалось ужасно претенциозным, когда собирают всех родных и близких и торжественно объявляют, что вот, мол, мы здесь и сейчас стали единым целым и это, уверяем вас (как будто мы познали вечность), НАВСЕГДА, несмотря на неутешительную статистику. Мы попросили вас найти время и деньги приехать сегодня сюда, ведь именно наша пара сможет избежать всего того, что обычно убивает любовь. В двадцать три года мы уверены в этом и хотим разделить свою уверенность с вами. Многим сдержать такую клятву оказалось не по зубам, но нас это не разубедило и не испугало. Наша любовь выживет, ведь она особенная, она наша. Мы любим друг друга совсем не так, как другие. Наш брак *will survive*.

Но почти на каждой свадебной вечеринке изрядно выпившие гости устремляются на танцпол и, пытаясь заглушить Глорию

Гейнор, орут, что они выжили после крушения своих иллюзий. Я и сама не раз видела, как тетки, сжимая воображаемый микрофон в руках, вовсю отрываются, подхватывая песню на единственной известной им фразе *I will survive, hey, hey!* Да, они «выжили», несмотря на развод. Хей, хей.

По большому счету, реальная проблема тут одна — обмен клятвами. Это все как-то несерьезно — обещать любить друг друга в здравии и болезни, в богатстве и бедности. Я ратую за честность, поэтому для женихов и невест в XXI веке предлагаю внести поправочку и поубавить в тексте клятвы сказочности: «Торжественно клянусь любить тебя и т. д. и т. п., пока не разлюблю. Или пока не встречу другого». Ведь что уж тут скрывать, порой даже самые страстные и крепкие отношения сминает безжалостный каток повседневного быта.

Конечно, всем известно, что некоторые браки держатся лет по шестьдесят, несмотря на бури и невзгоды, — такие примеры для подражания вот уже много веков усугубляют мучения семейных пар, которые часто оказываются заложниками собственной клятвы. На свете больше детей, родившихся с шестью пальцами, чем супругов, проживших по-настоящему счастливо вместе. При этом лишний палец ученые называют исключительной аномалией, а брачный союз

до сих пор остается одним из столпов нашего общества. Почему бы тогда не устраивать торжества, посвященные рождению шестипалых младенцев?

Все, чего хотела я, — это жить с любимым мужчиной, иметь от него детей, которых мы вместе воспитывали бы и лелеяли, поддерживая друг друга всеми силами и как можно дольше. Я обожала бы своих «незаконно-рожденных» ребятишек. И мужа, вернее, своего парня. Возможно, без этой брачной оболочки, которая помешала мне увидеть, что наша любовь начала гнить изнутри, я обожала бы его сильнее.

Мы поженились, потому что семья моего будущего супруга находила мою любовь простой и понятной. Раньше я никогда не считала простоту недостатком. В семье мужа, где вечно все усложняли и где разводы были обычным делом, эта простота пришлась ко двору.

Я годы положила на то, чтобы подстроиться под него, и тут услышала: «Я ухожу, я полюбил другую». Своими убийственными словами он уничтожил не меня, а все мои представления о жизни, на которую я смотрела его глазами, которую видела через призму священного союза, что сделала меня мной сегодняшней. Союза, в котором я окончательно и бесповоротно отказалась от собственных интересов, поскольку мы

с мужем были связаны торжественной клятвой и венчальными кольцами.

В тот момент, когда он сказал, что отказывается от своего обещания, земля разверзлась у меня под ногами. Всего несколько слов — и мой привычный мир рухнул. Я еще пыталась за что-то ухватиться в этом моем головокружительном падении в тартарары, но всякий раз опора ускользала из рук.

Он разлюбил, но злилась я на него не за это, как могло показаться. Всем известно, что сдерживать эмоции удастся не всегда. Оно и к лучшему, наверное. Гнев позволяет на какое-то время забыться, но рано или поздно мы возвращаемся к реальности. Прошлых отношений не вернуть — это я понимала, несмотря на свое подавленное состояние. Интересно, а он не пожалел, что разлюбил меня? Было бы куда проще для всех, и в первую очередь для него самого, если бы мы жили как раньше, а так ему пришлось перед многими долго объясняться, извиняться, оправдываться, защищаться, прежде чем его оставили в покое. В этом ему, честно говоря, не позавидуешь.

Я злилась, что потратила на него годы, которые не прошли для моего тела бесследно. А он с возрастом стал только интереснее — не могу отделаться от мысли, что это нечестно, даже если он не прилагал никаких усилий, — и теперь соответствует современным

представлениям о мужской красоте. После пятидесяти актеры-мужчины выглядят как никогда привлекательными, а вот Моника Беллуччи в роли девушки Бонда вызывает нервные смешки. Именно из-за этой жестокой несправедливости я ненавидела мужа и его новую девицу — они-то могли начать все заново, а моя репродуктивная система заявила, что собралась на пенсию. Я становилась все более желчной и вскоре начала сама себя ненавидеть — и свое тело, и душу. Если бы Жаку не хватало доводов, чтобы уйти, я предоставила бы ему их с лихвой.

Однако я *выжила*, как и те отплясывающие тетки.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

*в которой я медленно тону под тяжестью
собственного лишнего веса*

— Я полюбил другую.
Кровь хлынула к лицу. В висках застучало, еще немного — и глаза выскочат из орбит. Фраза мне показалась настолько нелепой, что я покосилась на экран телевизора: не оттуда ли раздались эти слова? Но там две телезвезды беззаботно хохотали, фаршируя курицу ветчиной. О любовных проблемах они не говорили.

— Диана, я не хотел... Это не из-за тебя, но... Ох...

И он обрушил на меня поток тошнотворных банальностей. Говорил нервно, плохо скрывая желание побыстрее со всем этим покончить. Я почти ничего не поняла, кроме больно уколовших слов «заурядность», «скука», «желание» и того, что он долго размышлял о «нас». Шарлотта совсем недавно покинула родительский дом, и я пока не успела придумать личное местоимение,

исключающее детей. А стоило, да, знаю. Я собиралась, но вот ведь, чуть-чуть не успела к нужному моменту.

— Диана, я... я ухожу.

Жак ушел из дома в тот же вечер, чтобы дать мне успокоиться и все обдумать. Несколько слов — и двадцати пяти лет брака как не бывало. Он полагал, что его присутствие помешает моим размышлениям и лучше дать мне время переварить новость, которую, по его собственному признанию, нелегко проглотить. Меня воротило от его вымученных пустых слов, и я представляла, как они разбиваются вдребезги у моих ног.

Устав от длинных объяснений, он, вздыхая, поднялся. Говорить, куда уходит, не стал. Но догадаться было нетрудно. Наверняка его где-то ждала «другая», чтобы отпраздновать начало новой жизни, вбить первые гвозди в крышку моего гроба.

— Сколько ей?

— Что?

— Сколько ей лет?

— Диана, при чем тут возраст?

— Я ХОЧУ ЗНАТЬ ЕЕ ЧЕРТОВ ВОЗРАСТ!

Он посмотрел на меня глазами побитой собаки, в которых читалось: неприлично молодой возраст, Диана, неприлично молодой — да, все очень банально.

— Это не то, что ты думаешь.

Когда мою подругу Клодину бросил муж ради своей студентки, это тоже было не то, что она думала: «Эта девушка удивительная, она прочла всего Хайдеггера!» Распрекрасный Филипп вовсе не виноват, что Хайдеггер как-то впихнул все свои философские знания в герметичный мозг студентки и над ней воссияла непреодолимо манящая аура. Кто такой Хайдеггер? Да плевать! А Клодина так взъелась на Хайдеггера, что раздобыла собрание его сочинений, стала выдирать из томов страницы и разжигать ими камин, а еще выстилать кошачий лоток. Со временем напичканная хайдеггеровской феноменологией девица стала у нее ассоциироваться с какашками. Тут что угодно придумаешь, лишь бы полегчало.

Я сидела одна в темной гостиной, уставясь в телевизор, хотя Жак его выключил. В экране отражался мой слегка искаженный, замерший неподвижно силуэт. Тело сковали боль и стыд, парализовав всякое движение. Останься я там подольше — истлела бы, медленно поглощенная диваном. А хорошо бы исчезнуть вот так, по-тихому, и я, скучная тетка, больше не мешала бы счастьем других.

Солнце взошло с той же стороны, что обычно. Удивительно. Похоже, конец света никак не повлиял на движение звезд. Стало быть, надо жить дальше, невзирая на

огромное желание умереть. И я поднялась, медленно, чтобы не сломать одеревенелые ноги, ведь им придется еще какое-то время мне послужить. Нужно будет избавиться от дивана, который я обмочила, пока пребывала в оцепенении.

Под душ я встала не раздеваясь. Как бы мне хотелось снять с себя, подобно одежде, все на меня налипшее. На кафельном полу душевой смешивались краски линяющего нового костюма, моча, тушь, слюни, слезы. Настоящая же грязь не смывалась.

Я вынесла из дома все диванные подушки и свалила их грудой на идеально подстриженном газоне. Потом сходила в подвал за кувалдой и принялась колотить по дивану что было сил. Случайно даже долбанула по стене. Мне полегчало. Если бы не устала, я бы и дом разнесла в пух и прах.

Через день мне позвонил Жак, чтобы узнать, в порядке ли я, и попросить из уважения ко всем нашим близким притворяться, что «все хорошо, прекрасная маркиза», пока не подготовим детей, родителей и коллег. К тому же на носу было двадцатипятилетие нашей свадьбы, и он считал нелепым отказываться от праздника («знаю, мне стоило подумать об этом заранее») — он хотел, чтобы мы поступили мудро и провели этот вечер вместе, в семейной идиллии («все так этого ждали и заслужили праздник»).

Я почувствовала себя индийской невестой, которая в свадебный вечер сидит в сторонке и церемонно принимает пожелания счастья, хотя это счастье где-то далеко от нее. Никогда не понимала, почему другие могут заслужить что-либо из моей жизни.

— Ты можешь подумать об этом и вернуться ко мне с ответом?

— Хм.

Всегда ненавидела это «вернуться ко мне с ответом».

Однако я последовала инструкциям, то есть подумала.

Я решила действовать по-простому, в духе времени: создала профиль в «Фейсбуке»¹ (прибегнув к помощи моего сына Антуана по телефону). Потом много часов подряд отправляла запросы на добавление в друзья во все уголки Квебека и за его пределы. Начала с родителей мужа, его сестры, дальних родственников, пригласила наших коллег, друзей, соседей, знакомых, недругов и прочих сброд. Когда кто-нибудь подтверждал дружбу, я изучала список его друзей, а то вдруг о ком-то забыла. Меня засыпали сообщениями о моем запоздалом появлении в соцсетях, для всех это было «так неожиданно».

¹ Фейсбук — продукт компании Meta Platforms Inc., деятельность которой признана в России экстремистской. — *Здесь и далее.*